

ПАИТ

Майя Яковлевна

**ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ ОД И ЭПОДОВ ГОРАЦИЯ
В РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Г. Р. ДЕРЖАВИНА)**

Специальность 10.02.14 — классическая филология,
византийская и новогреческая филология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре классической филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент М. Г. Лопатина

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, академик РАН
М. Л. Гаспаров
кандидат филологических наук А. И. Любжин

Ведущее научное учреждение: кафедра классической филологии филологического факультета Петрозаводского государственного университета

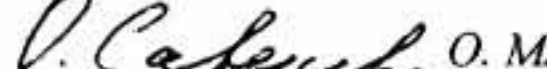
Защита состоится _____ г. в ____ час. на заседании диссертационного совета Д-501.001.82 в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан “__” _____ г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент О. М. Савельева

Данная работа посвящена проблемам рецепции од и эподов Горация в России XVIII - начала XIX века; речь пойдет главным образом о творчестве наиболее значительного русского поэта этой эпохи – Гавриила Романовича Державина. В последнее время можно отметить появление ряда филологических исследований как обобщающего, так и частного характера, в которых разрабатывается тематика влияния античности на русскую литературу¹; однако роль античной и, в частности, римской литературы в творчестве Державина исследована недостаточно.

В свое время издатель единственного полного собрания сочинений Державина Я.К. Грот² в своем подробнейшем комментарии отметил наличие реминисценций из Горация в двадцати четырех одах Державина и привел параллельные места из латинского текста. Воздавая должное многолетнему труду Я.К. Грота, автор исследования видит одну из главных задач данной работы в попытке расширить приведенный Гротом перечень од Державина, в которых цитируются оды Горация, а также исследовать те произведения Державина, в которых проявляются «горацианские» темы и образы.

Особенности восприятия Державиным лирики Горация – тема статьи А.Л. Пинчука «Гораций в творчестве Г.Р. Державина»³, появившейся почти через 100 лет после исследований Грота. Главный результат научной работы Пинчука – список произведений, «в которых Державин так или иначе использовал поэтическое наследство Горация», который практически совпадает с перечнем, составленным Я.К. Гротом (за исключением оды «К лире», приведенной в перечне Грота, но отсутствующей в перечне Пинчука, и оды «Евгению. Жизнь Званская», приведенной у Пинчука, но отсутствующей в перечне Грота).

О роли лирики Горация в поэзии Державина говорится и в фундаментальном исследовании немецкого филолога Вольфганга Буша (Wolfgang Busch) «Horaz in

¹ Среди исследований обобщающего характера необходимо упомянуть статью А.И. Любжина «Латинская образованность и римская литература в России в XVIII - начале XX века» (в журнале *Вестник древней истории*, 2004, №1); библиографический указатель Е.В. Свиясова «Античная поэзия в русских переводах», СПб., 1998; монографию Г.С. Кнабе «Русская античность» М., 2000. Среди исследований более частного характера заслуживают пристального внимания книга Т.Г. Мальчуковой «Гораций в избранных текстах и переводах. Материалы и исследования по истории русского перевода». Петрозаводск, 1995, статья И.И. Ковалевой «На пиру Мнемозины», посвященная влиянию античной литературы, и, в частности, произведений Горация, на творчество И.А. Бродского (в кн. Иосиф Бродский. Кентавры. Античные сюжеты. СПб., 2001), а также исследования разных авторов, опубликованные в сборнике «Пушкин и мир античности. Материалы чтений в Доме Лосева 25 – 26 мая 1999 года». М., 1999.

² Сочинения Державина. С объяснительными примечаниями Я.К.Грота. СПб., Издание Императорской Академии Наук. Тт. I – IX. 1864 –1883.

Russland⁴», посвященном восприятию творчества Горация русскими поэтами. Буш указывает статью Пинчука в качестве единственного источника по данной теме и уделяет значительное место в «державинской» главе своей книги развитию некоторых тезисов, высказанных отечественным исследователем. Приводимый Бушем перечень стихотворений Державина, в которых присутствуют «горацианские» мотивы, во многом совпадает с аналогичным перечнем в статье Пинчука. Исключения – оды Державина «Буря» (написанная в 1794 году), «Приглашение к обеду» (написанная в 1795 году), «Графу Стейнбоку» (написанная в 1807 году) и «Лирик» (написанная около 1810 года)⁵, не указанные Гротом и Пинчуком, но указанные Бушем, и ода «Евгению. Жизнь Званская», указанная Пинчуком, но не указанная Гротом и Бушем.

Список «горацианских» од Державина, представленный в библиографическом указателе Е.В. Свиясова «Античная поэзия в русских переводах XVIII – XX веков»⁶, который содержит всего 15 наименований и не сверен ни с одним из подобных перечней, упомянутых выше, представляется совершенно неполным.

В статье А.А. Тахо-Годи «Античные мотивы в поэзии Державина»⁷ подробно анализируются поздние державинские переводы из Горация. Кроме того, в этой статье присутствует ряд важных замечаний, касающихся особенностей восприятия Державиным произведений античной (преимущественно древнегреческой) литературы, а также образов античной истории и мифологии.

Два стихотворения Державина – «Лебедь» и «Памятник» – подробно анализируются в книге Михаэля фон Альбрехта (Michael von Albrecht) «Rom: Spiegel Europas»⁸, посвященной влиянию римской литературы и, в частности, Горация на творчество европейских поэтов нового времени.

Отдельные соображения, касающиеся восприятия Державиным поэзии Горация, высказаны также в книгах В.А. Западова «Мастерство Державина»⁹ и И.З. Сермана «Гаврила Романович Державин»¹⁰. Все перечисленные исследования не могут претендовать на полноту в раскрытии данной темы, а их исходные положения (за исключением статьи Тахо-Годи и книг Буша и Альбрехта) настоятельно требуют радикальной ревизии, чем определяется актуальность работы. В связи с этим в работе

¹ Ученые записки Томского Государственного Университета. Вопросы литературоведения. 1955, т. 24, с.71-86.

⁴ Busch, Wolfgang. Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München, 1964, Ss. 70-86.

⁵ Исследование показало, что включение этой оды в список «горацианских» од Державина неоправданно.

⁶ Свиясов Е.В. Античная поэзия в русских переводах XVIII-XX вв. СПб., 1998, сс.275 – 303.

⁷ Сборник «Писатель и жизнь», М., МГУ, 1978, сс. 117-133.

⁸ Albrecht, Michael von. Rom: Spiegel Europas. Darmstadt, 1988.

⁹ Западов В.А. Мастерство Державина. М., «Советский писатель», 1958.

¹⁰ Серман И.З. Гаврила Романович Державин. Л., «Просвещение», 1967.

впервые делается попытка выработать новые принципы подхода к анализу державинской рецепции античности, и, шире, поэтического творчества Державина.

Обоснование, разработка и применение особого метода анализа державинских переложений од Горация также является одной из основных задач данной работы. В рамках этого метода оды Державина рассматриваются наряду с филологическими комментариями к Горацию как одна из возможных интерпретаций произведений Горация. В применении такого метода, а также в обосновании предположения, что Державин мог читать произведения Горация в подлиннике, состоит научная новизна работы.

В отличие от многих современных ему, а также более поздних переводчиков и подражателей Горация, Державин никогда не стремился упростить сложную композицию од римского поэта и прихотливую последовательность развития мысли в его одах. Поэтому державинские переложения стихотворений Горация содержат в себе их интерпретацию и могут быть проанализированы как своеобразный «герменевтический комментарий» к Горацию.

Сочетание такого анализа с традиционным сравнительным филологическим исследованием произведений Горация и Державина определяют методологическую базу данного исследования, которая позволила расширить (по сравнению с Гротом и Бушем) список произведений Державина, имеющих горацианские мотивы.

Предметом исследования являются все оды и эподы Горация, с одной стороны, и весь корпус произведений Державина, с другой. Стихотворения Державина, содержащие горацианские реминисценции, приводятся в данной работе в той хронологической последовательности, которая принята в литературоведении в отношении Державина. Исключения составляют стихотворения, анализируемые в заключительной главе работы «Избранные оды Горация в филологических комментариях и в переложениях Державина». В этой главе пристальное внимание уделяется горацианским мотивам-формулам, постоянно действующим в художественном мире Державина, а также исследуется феномен обращения Державина к одним и тем же одам Горация в разные периоды творчества.

Практическая ценность работы состоит в том, что обобщенные в ней материалы и ее выводы могут быть использованы для написания, с одной стороны, работ по истории русской литературы XVIII - начала XIX вв., а с другой стороны – по истории интерпретации произведений Горация. Текст диссертации может быть полезным для тех, кто занимается проблемами воздействия античной традиции на русскую культуру

XVIII века, для которой было характерно стремление синтезировать многочисленные культурные традиции Европы. Расширенный по сравнению с работами Грота и Буша список произведений Державина, в которых в той или иной степени присутствуют «горацианские» мотивы, может быть полезен для будущих издателей комментированного собрания сочинений Державина, а также для авторов библиографических исследований по «русской античности». Державинские интерпретации текстов Горация могут быть использованы при составлении новых комментариев к этому автору. Примененный в работе метод обращения к интуиции поэта нового времени как к эвристическому средству для толкования трудных для интерпретации мест в произведениях римской литературы может быть применен к творчеству других античных авторов.

Апробация диссертации. Материалы исследования докладывались на заседании кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова 29 марта 2004 г., а также в ряде выступлений на научных конференциях: Ломоносовские чтения (Москва, филологический факультет МГУ, апрель 2002 г.), Чтения памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология - V» (Санкт-Петербург, июнь 2001 г.), Чтения памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология - VI» (Санкт-Петербург, июнь 2002 г.).

Структура диссертации: представленная работа состоит из введения, четырех глав и заключения, приложения, списка сокращений и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор исследовательской темы и ее актуальность, формулируются цель и задачи работы, а также дается очерк и анализ библиографии по исследуемой проблеме.

Исследуя оды Державина, а также некоторые факты его биографии, в работе с привлечением большого числа фактов подвергается сомнению предположение Я.К. Грота, что Державин читал Горация не в оригинале, а в немецких переводах, и переводил его оды, пользуясь переводами и переложениями, сделанными немецкими поэтами XVII – начала XVIII вв., главным образом, Клопштоком, Гагедорном и Рамлером, т.е. что в его случае рецепция была не прямой, а двойной.

Следующие факты, исследуемые в диссертации, говорят об обратном.

1. В казанской гимназии, где учился Державин в течение трех лет (с начала 1759 по начало 1762 года), наряду с другими предметами преподавался и латинский язык. Как известно, гимназия в Казани была создана по образцу Московской университетской гимназии, открывшейся в апреле 1755 года. По свидетельству того же Я.К. Грота, «для учреждения новой (Казанской – М.П.) гимназии Университет вызвался отправить туда в преподаватели нескольких студентов. При посредстве Шувалова это представление было одобрено...»¹¹. Латинский язык в Казани преподавал Никита Морев. Грот сообщает, что «ежедневно занимался латынью, а по субботам русским правописанием...»¹². Так как сам Московский Университет был открыт весной 1755 года, Никита Морев принадлежал к числу первых студентов, которые по указу Синода были откомандированы в новое учебное заведение из Славяно-Греко-Латинской Академии и из российских духовных семинарий. Эти сведения подтверждают вероятность того, что квалификация учителя, преподававшего Державину латинский язык, была достаточно высокой.

Державин был призван из гимназии на службу в Преображенский полк в феврале 1762 года, т.е. его обучение в гимназии прервалось через три года после начала. Однако нормативный курс латинского языка в Московской Университетской гимназии был рассчитан как раз на три года; на третьем году обучения гимназисты должны были толковать произведения признанно трудных – «высоких» латинских авторов и писать латинские сочинения¹³. Скорее всего, Морев в общих чертах следовал проекту обучения в Университетской Гимназии, написанному Ломоносовым и Шуваловым.

2. На полях рукописи своей оды «На Счастье», написанной в 1789 году, напротив слова «Беатус» Державин замечает: «Так начинается ода Горация, которую я, в показание моей учености и что я мало доволен своим состоянием, почастью в беседах читаю»¹⁴. Цитирование Державиным в оде латинского слова подтверждает то, что «в беседах» он читал второй эпод Горация именно по-латыни.

3. В собственных «Объяснениях на сочинения Державина...» Державин отмечает, что переложение первой пифийской оды Пиндара сделано им с немецких переводов Рамлера и Гедике¹⁵, в то время как на немецкие переводы Горация Державин нигде не ссылается.

¹¹ Грот Я. К. Жизнь Державина М., «Алгоритм», 1997, с.32.

¹² Ibidem, стр. 35.

¹³ Подробнее: см. Пенчко Н. А. Основание Московского Университета. Изд. МГУ, М., 1953, с. 157.

¹⁴ Сочинения Державина. С объяснительными примечаниями Я.К.Грота. СПб., Издание Императорской Академии Наук. Т. I – IX. 1864 –1883. Т. I, с.256.

¹⁵ Собственный комментарий к переводу первой пифийской оды Пиндара Державин предваряет следующим замечанием: «Первая песнь Пиндара Пифическая. Переведена с немецких переводов г. Рамлера и Гедике в Петербурге в 1800 году» (Т. III, с. 680); авторский комментарий к переводу первой

4. В державинском переводе седьмого эпода Горация есть неточность, которая отсутствует в немецких переводах, которые могли быть известны Державину. Гораций говорит о том, что гражданские войны приведут к тому, что государство погубит себя своей рукой, как того и желают парфяне («secundum vota Parthorum»). Державин переводит эту мысль следующим образом: «Так, так, - не от парфян, но собственной враждою / Своей, крамолою падет ваш славный град»¹⁶. Эту неточность также невозможно объяснить сознательным отходом Державина от текста латинского оригинала. Присутствие такой неточности в державинском переводе дает нам право считать, что, работая над этим произведением Горация, Державин пользовался только латинским текстом.

На основании приведенных фактов в диссертации формулируется следующий вывод: Державин читал произведения Горация как на латинском, так и на немецком языках. Неточность в переводе седьмого эпода и отсутствие такого рода неточностей в других переложениях и переводах показывает, что Державин знал латинский язык недостаточно свободно и, скорее всего, в сомнительных для него случаях обращался к помощи немецкого перевода. Вполне вероятно, что в библиотеке Державина были, во-первых, полное собрание сочинений Горация (во всяком случае, полное собрание од и эподов), и, во-вторых, переводы избранных сочинений Горация на немецкий язык. Важно отметить, что такой перевод в то время существовал и мог быть известен Державину. Это перевод избранных од Горация, сделанный Карлом Рамлером и опубликованный в 1769 году (кстати, это первый немецкий перевод Горация, в котором соблюдена метрика оригинала).

Современные исследователи Державина (Пинчук, Западов, Серман) отмечали в его переложениях од Горация прежде всего замену реалий римской жизни реалиями современной Державину российской действительности, и объясняли это явление тем, что «русификация» произведений Горация была попыткой отказа Державина от эстетики горацанской оды с ее абстрактными «лирико-философскими рассуждениями» и знаком обретения самобытности в обращении к современным для Державина российским реалиям, ситуациям и «злободневно – сатирическим намекам». Для того чтобы опровергнуть это мнение, в диссертации приводится краткий обзор «горацанских» произведений предшественников Горация – русских поэтов XVIII века. В их творчестве широко применялась замена реалий римской жизни реалиями русской

олимпийской оды начинается так: «Переведена на Званке в 1806 году с тех же авторов немецких, как и вышеписанная ода» (Т. III, с.705).

¹⁶ В переводах Герцлиба и Уна читаем «nach dem Wunsche der Parther» в переводе Фосса – «der Parther Wunsche nach»; Рамлер этого эпода не переводил.

действительности, современной поэтам. Анализируя творчество «русских горацанцев» – Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова – П.Н. Берков в своей статье¹⁷ подчеркивает свободное обращение этих поэтов с оригиналом в первую очередь на примере замены римских реалий русскими.

В работе отмечается, что именно для од Горация в высшей степени характерно гармоничное сосуществование «лирико-философских» размышлений и «злободневных намеков» на современные ему обстоятельства, а также возможность конкретизации и «материализации» отвлеченных тем. Эта черта объединяет поэтический мир Горация и Державина.

Исследование творчества обоих поэтов приводит к выводу, что в поэзии Державина изначально присутствовали черты сходства с творчеством Горация: тенденция к конкретизации отвлеченных понятий и к развитию стихотворения в двух планах: конкретном, бытовом и абстрактном, находящемся в сфере «вечных идей»; изобилие конкретных деталей, «жуткая вещественность» (Гёте); важная роль темы смерти, являющейся «противовесом» излюбленным обоими поэтами лирическим темам – пира, веселья и т.д.

Наряду с этим отмечается существенная разница в мировоззрении Горация и Державина: восприятие последним поэзии как «сурового судьи» (Ю.М. Лотман), носительницы высших начал и нравственного эталона. Такое восприятие можно объяснить прежде всего особенностями роли и места литературы в культуре России XVIII - начала XIX века.

В «Объяснениях...», написанных Державиным к некоторым из своих стихотворений, он называет «*подражаниями Горацию*» те оды, которые представляют собой скорее *последовательное* переложение текста Горация¹⁸. Однако и в тех произведениях, где Державин воспроизводит оды Горация не целиком, но цитирует лишь большие или меньшие по объему фрагменты, можно заметить совершенно те же тенденции, что и в тех одах, которые сам автор называет «подражаниями». По этой причине в работе не выделяются державинские переложения од Горация по тому, насколько подробно и последовательно Державин придерживался латинского образца; исключением являются шесть поздних произведений Державина, в которых он сознательно стремился как можно точнее передать особенности оригинала. Эти шесть

¹⁷ Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация. К 2000-летию со дня рождения Горация. Известия АН СССР, 1935 год, № 10, сс.1042, 1050, 1056.

¹⁸ Это оды «Памятник», «О удовольствии», «На ворожбу», «Похвала сельской жизни», «Капнисту», «Скопихину», «Лебедь», «Пирре».

стихотворений называются в диссертации *переводами* од Горация, а не переложениями или подражаниями.

В *первой* главе «*Темы и образы лирики Горация в ранних произведениях Державина*» анализируются стихотворения Державина начиная от самых ранних (и не публиковавшихся при жизни поэта) до 1779 года. В 1779 году была написана ода «На смерть князя Мещерского», принесшая поэту широкую известность.

Среди ранних стихотворений Державина не публиковавшихся при жизни поэта, есть короткое стихотворение «Идиллия», где поэт размышляет над жанром своих будущих произведений. В этом стихотворении присутствуют отчетливые реминисценции из оды Горация IV, 2 «*Pindarum quisquis studet aemulari...*». Уже в этом стихотворении можно видеть зарождение тех черт, которые будут присущи державинским переложениям од Горация, выполненным через десятки лет, в последние годы XVIII и в начале XIX века, а именно:

- 1) Изменение и упрощение образов, трудных для понимания читателей, незнакомых с античной мифологией и реалиями.
- 2) Резкий отход от горацанского текста в финале стихотворения – Державин цитирует не все стихотворение Горация, а лишь первые строфы.

Анализ стихотворения «Идиллия» позволил опровергнуть категорическое утверждение Я. К. Грота, что интерес Державина к Горацию возник под влиянием Капниста (Грот, с. 189)¹⁹. Лексика, ритм, общее настроение стихотворения «Идиллия» дают право исследователям датировать его 1760-ми годами. В это время Державин едва ли мог внимать советам Капниста, родившегося только в 1758 году. Кроме того, известно, что сам Державин поместил «Идиллию» в самое начало рукописного собрания своих ранних стихотворений, которые он записал, вернувшись в Петербург в 1776 году.²⁰ Это также косвенно свидетельствует о значении, которое Державин придавал этому стихотворению.

Присутствие горацанских мотивов в раннем стихотворении Державина опровергает распространенное среди его исследователей мнение о совершенном невежестве поэта и о решающей роли дружеского кружка Державина в приобретении им познаний из европейской литературы. В этой главе также предпринимается попытка оценить роль членов семейного и литературного кружка Державина, и в первую очередь В.В. Капниста, в создании окончательных вариантов державинских стихотворений.

¹⁹ С В.В. Капнистом Державин близко сошелся в конце 1770-х годов, через несколько лет после возвращения в Петербург из командировки, связанной с подавлением пугачевского бунта.

Сопоставление поправок к стихотворениям Державина, предложенных Капнистом, с окончательными вариантами стихотворений Державина позволяет прийти к выводу о том, что мнение Капниста едва ли имело большое значение в редакторской работе Державина над текстами своих стихотворений.

Анализ оды «На маскарад, бывший перед императрицей в Казани», написанной 24-летним поэтом в 1767 году, показал наличие в ней реминисценций из оды Горация. Эти оды отсутствуют в списках «горацанских» од Державина, составленных Гротом и Бушем.

В главе также подробно анализируются оды из первого изданного сочинения Державина, обратившего на себя внимание читателей: этот сборник, озаглавленный автором «Оды, переведенные и сочиненные автором при горе Читалагае», был напечатан в 1776 году. В сборник входили четыре французские оды прусского императора Фридриха II, которые были переведены Державиным с анонимного немецкого прозаического перевода. Оды Фридриха, переведенные Державиным, проникнуты горацанскими мотивами и образами: корабль в бурном море, персонифицированный образ Смерти, бессмысленность роскоши и накопительства. В одной из од встречается и непосредственное упоминание о Горации как о мудреце, мужественно переносящем невзгоды. Этот образ, очевидно, увлек Державина; коль скоро в последующих произведениях, где поэт обращается к мотивам творчества Горация, личность и произведения римского поэта воспринимаются именно в этом аспекте: мудрец, сохраняющий силу духа и спокойствие в любых обстоятельствах. Для своих подражаний Державин выбирает из многообразия произведений Горация только те, которые глубоко проникнуты именно этим настроением. Важно заметить, что в XVIII - XIX веках в России существовало и противоположное отношение к личности и творчеству Горация²¹.

В стихотворении «Успокоенное неверие», написанном в 1776 году, Державин сопоставляет, сталкивает горацанские мысли о смерти и тщете человеческой жизни с христианскими идеями о вере в Бога как о пути к вечной жизни и спасению. Интересно

²⁰ Первые литературные опыты Державина были сожжены им при проезде через карантинную заставу в 1770 году. См. Державин Г.Р. Записки. М., 2000, сс. 33-34.

²¹ Так, А.Н. Радищев наградил Горация выразительным именем «лизорука Меценатова»; юный А.С. Пушкин в послании к В.Л. Пушкину 1817 года, говоря о поведении Горация в битве при Филиппах, называет его «бессмертным трусом», а в статье 1834 года «О ничтожестве литературы русской» характеризует как «придворного философа». Еще резче высказался В.Г. Белинский: «Отпущенный холоп Гораций называл себя подражателем Пиндара и, посвятив свою сговорчивую музу хвалению своего доброго барина, благодетеля, отца и заступника – Мецената, ввел в моду поэзию прихожих» (цитируется по статье В.М. Файбисовича «Стихотворение Пушкина «Кто из богов мне возвратил...»). К пушкинской концепции Горация». Пушкин. Исследования и материалы. М., Л., 1995, т.15, с.192.

и весьма характерно, что Державин, полемизируя с Горацием, использует образы из его лирики для создания образа божественного всемогущества. В диссертации высказывается мысль о том, что здесь Державин переосмыслил темы и образы, которые он почерпнул из оды Горация I,34 *Parcus deorum cultor et infrequens*.... У Горация картины бурь и непогоды всегда символизируют всеильную и непознаваемую волю божеств, которая способна в любой момент нарушить течение человеческой жизни, непрочность жизни и невозможность заранее предугадать её итог. В стихотворении Державина прозвучавший в громе голос Создателя указывает поэту единственный путь спасения. Совпадающая композиция стихотворений подчеркивает разницу настроения, которым завершаются произведения.

Заключает главу анализ феномена возвращения Державина в зрелую пору своего творчества к тем «горацианским» мотивам, которые он использовал в ранних произведениях. В стихотворении «Гром», написанном в 1806 году, Божественное всемогущество проявляется во внезапно возникшей грозе и в мгновенном успокоении природы после ее прекращения, а в стихотворении «Буря» герой, попавший в шторм, чувствует себя под божественной защитой Творца.

Во *второй* главе «Лирика Горация в творчестве зрелого Державина» анализируются произведения Державина, написанные в период с 1791 по 1811 год. В 1779 году начинается новый этап державинского творчества – ода «На смерть Мещерского» приносит поэту всероссийскую известность. Эта ода, а также оды «К первому соседу» (1780) и «На смерть графини Румянцовой» (1788) «На ворожбу» (1798), «Пирре» (1804), подробно анализируются в четвертой главе. По этой причине глава начинается с оды «Ко второму соседу», написанной в 1791 году.

В этой оде присутствуют многочисленные параллельные места с одой Горация II, 18. В начале оды Державин предлагает достаточно близкое к оригиналу переложение первых строф оды Горация. Затем он «отклоняется» от текста латинского образца; тем не менее развитие мысли, движение этого стихотворения, безусловно, определены одой Горация.

Ода Горация II,10 была воспринята Державиным как программная ода любимого им римского поэта. Наряду с образом Горация, созданным Фридрихом Великим в оде «На постоянство», о которой говорилось в первой главе, ода к Лицинию значительно повлияла на восприятие Державиным творчества и личности Горация. Державин неоднократно цитирует именно эту оду Горация. Характер цитирования можно определить как сознательную отсылку читателя к Горацию; речь идет не о переосмыслении образа, встречающегося в нескольких одах Горация (корабль, буря),

как это было в предыдущих случаях, но о последовательном воспроизведении образов и тем конкретной оды. Это происходит в стихотворениях «На умеренность», «На возвращение графа Зубова из Персии»; реминисценции из этой оды также видны в послании Державина «Графу Стейнбоку».

Стихотворение «Памятник», написанное Державиным в 1796 году, является первым опытом последовательного переложения оды Горация. Интересно, что эту оду Горация, замыкающую первый сборник его стихотворений и посвященную подведению жизненных итогов, Державин переводит в последние месяцы жизни Екатерины II, на исходе эпохи, определившей его жизнь. В четвертой строфе оды Державин говорит о своих главных поэтических и – в отличие от Горация, чья ода посвящена только поэзии – гражданских достижениях. Последнюю строфу «Памятника» Державин посвящает религиозной сущности своих произведений; при этом, как показало исследование, главное расхождение его переложений Горация с текстами подлинников заключается именно в христианской направленности его творчества.

Ода «Капнисту», написанная в 1797 году, является вторым после «Памятника» державинским опытом последовательного и довольно точного перевода отдельной оды Горация. В ней особенно явно проявляются особенности переводческой техники Державина: замена реалий римской жизни реалиями современной ему российской жизни, упрощение слишком сложных образов при сохранении структуры произведения.

Те же тенденции отмечаются и в оде «О удовольствии», написанной год спустя – в 1798 году – и представляющей собой перевод оды Горация III, 1²².

Первая строфа оды «Время», написанной в 1805 году – перевод первой строфы оды Горация II, 14; этот перевод интересен в первую очередь тем, что Державин подробно раскрывает в нем понятие «pietas» и говорит о своем понимании благочестия. В оде «К лире», название которой ассоциируется с одой Горация I, 32, присутствуют реминисценции не из этой оды, но из оды I, 6.

Ода «К Скопихину», написанная Державиным в 1803 году, является подражанием оде Горация II, 2, адресованной Гаю Саллюстию Криспу, внучатому племяннику и присмному сыну историка Саллюстия, и представляющей собой панегирик; Державин же увещевает, а затем зло критикует адресата своего стихотворения. Это несоответствие, неосознанное Державиным, проявляется в

²² Так, например, в начале оды бровь Юпитера, движением которой он управляет миром, заменена «перстом», которым «вышний бог» (характерно то, что имя божества не названо!) приводит в движение звезды.

нескольких местах его произведения и, несмотря на несколько блистательных поэтических и переводческих находок, значительно ослабляет текст.

Ода «Лебедь», написанная Державиным в 1804 году, является попыткой последовательного и подробного переложения оды Горация II, 20. В этом стихотворении можно видеть значительные расхождения с одой Горация. Тема оды – посмертное бытие поэта; Державин провозглашает в оде «Лебедь» свои христианские убеждения. Так, словосочетание *biformis vates* – «поэт, имеющий два образа», которое является предметом споров среди современных исследователей лирики Горация²³, Державин понимает следующим образом: «двуобразие» поэта заключается в том, что смерти избегает и его вечная душа, и его творчество; он называет себя «в двойном образе нетленный».

В этот период для Державина особенно важны такие стороны творчества Горация, как а) философия «золотой середины»; б) стремление к строгой критике современных нравов; в) осознание себя как *vates*, что в державинском понимании значит «носитель божественной истины».

В *третьей* главе «*Гораций в творчестве позднего Державина*» рассматривается роль поэзии Горация в творчестве Державина, начиная с 1811 года. В 1811 году был напечатан первый вариант теоретического сочинения Державина «Рассуждение о лирической поэзии», в котором поэзии Горация отводится существенное место. В этом трактате, написанном образным, поэтическим языком, присутствуют некоторые образы и уподобления, встречающиеся в одах Горация²⁴. В «Рассуждении...» Державин говорит о возникновении лирической поэзии и об ее главных законах. Лирическая поэзия имеет божественное происхождение; ей свойственно стремление к истине; она изначально, по природе своей, имеет моралистический, наставляющий характер. Поэт, наилучшим образом выполнивший в своем произведении нравственную миссию, остается в памяти потомков: «Посему–то, думаю я, более, а не по чему другому, дошли до нас оды Пиндара и Горация, что в первом блещут искры богопочтения и наставления царям, а во втором, при сладости жизни, правила лобомудрия»²⁵. Здесь впервые явно высказана непосредственно выраженная державинская оценка творчества Горация.

Для иллюстрации этой оценки Державин помещает в текст «Рассуждения...» собственный перевод оды Горация III,1, сделанный им в 1798 году и озаглавленный «О

удовольствии»²⁶. Специально для «Рассуждения...» Державин сделал четыре перевода од Горация: это ода I,10 к Меркурию; III,4 к Каллиопе; I,20 к Меценату; II, 19 к Вакху.

Все переводы, выполненные Державиным для своего трактата, написаны белым стихом (примечательна судьба белого стиха в русской поэзии: П.Н. Берков в статье «Ранние русские переводчики Горация»²⁷ отмечает, что первым применением белого стиха на русской почве был перевод посланий Горация, выполненный Кантемиром; все они, за исключением оды «К Бахусу», написаны ямбами).

Анализируя эти переводы, можно заметить, что Державин стремится к максимальной точности в передаче текста Горация; в данных переводах совершенно отсутствуют черты «русификации», столь характерные для предыдущих «горацианских» произведений поэта. Синтаксические конструкции этих стихотворений чрезмерно тяжелы, усложнены и создают у читателя ощущение некоторой несвободы, стесненности автора в передаче текста подлинника.

В 1811 году Державин переводит еще два произведения Горация: оду I, 8 «*Lydia, dic, per omnis...*» и седьмой эпод «*Quo, quo scelesti ruitis?*». Можно предположить, что оба перевода Державин планировал включить в «Рассуждение о лирической поэзии», но затем отказался от этого плана. Для оды «К Лидии» характерны, как и в предыдущих случаях, во-первых, тенденция к максимально точной передаче латинского текста и, во-вторых, усложненные синтаксические конструкции.

Перевод седьмого эпода Державин называет «Римскому народу». Это единственный из поздних переводов Державина, где ямбические строки зарифмованы; синтаксические конструкции этого стихотворения в большинстве случаев просты и ясны. Как отмечалось во *Введении*, в переводе седьмого эпода есть неточность, отсутствующая в тех немецких переводах, которые могли быть известны Державину. Словосочетание *secundum vota Parthorum* Державин переводит как «не от парфян». Эту неточность также невозможно объяснить сознательным отходом Державина от текста латинского оригинала. Причина данного расхождения может заключаться только в неверном понимании Державиным латинского текста. Это дает нам право предположить, что, работая над этим произведением Горация, Державин пользовался только латинским текстом.

В *четвертой* главе «*Избранные оды Горация в филологических комментариях и в переложениях Державина*» предпринимается попытка проследить судьбу известнейших од Горация: I, 5, I, 11, и II, 9 в истории филологических комментариев, от

²³ См., например, Syndikus H. P. Die Lyrik des Horaz: eine Interpretation der Oden (Band 1-2). Darmstadt, 1972-1973, S. 478; A commentary on Horace Odes, Book II by R.G.M. Nisbet and Margaret Hubbard. Clarendon press, Oxford, 1978, p. 338; West D. Horace Odes II. Vatis amici. Clarendon press, Oxford, 1998, p. 107.

²⁴ Например, уподобление поэтического произведения потоку.

²⁵ Сочинения Державина. С объяснительными примечаниями Я.К.Грота. СПб., Издание Императорской Академии Наук. Тт. I – IX. 1864 –1883. Т. VII, стр.568.

²⁶ Это стихотворение было подробно проанализировано во второй главе работы.

²⁷ Известия АН СССР, Отделение общественных наук, № 10, 1935.

Порфириона (II-III вв. н.э.) и комментаторов эпохи XV-XVIII вв. (включая Бентли) до последних стандартных комментариев, выполненных в 1970-е – 1980 годы (Нисбет-Хаббард, Синдикус, Вест), а также в переложениях Державина. Переложения этих од Горация, выполненные Державиным, рассматриваются наряду с филологическими комментариями как одна из возможных (удачных или неудачных) интерпретаций произведений Горация. Весьма интересным и заслуживающим пристального внимания представляется тот факт, что к двум из трех вышперечисленных од Горация Державин обращается в своем творчестве не один раз: переложение оды I, 5 можно найти в стихотворениях «Первому соседу» и «Пирре», а в стихотворениях «На смерть графини Румянцовой» и «На смерть князя Мещерского» видны отчетливые реминисценции из оды Горация II,9.

В оде II, 9 Гораций призывает Вальгию, который постоянно оплакивает кончину своего друга Миста, утешиться и восславить военные подвиги Августа. Переводом первой и второй строфы этой оды Горация начинается ода Державина «На смерть графини Румянцовой». Затем Державин формально отступает от текста Горация, однако в композиции и движении мысли этой оды видно сходство с римским образцом. Подобно Горацию, Державин говорит о необходимости *aequo animo* воспринимать все испытания и перемены, которым подвержена человеческая жизнь. Гораций предлагает Вальгию, который сочиняет элегии, обратиться к сочинению эпоса; в этой оде Гораций единственный раз упоминает и о своем намерении создать эпическое произведение. В работе высказывается мысль о том, что в этой оде Горация создание эпоса воспринимается как возможность для автора преодолеть тесные границы мира собственных переживаний: прославив в эпосе Августа, автор сохранит на века его и свое имя. Державин продолжает и развивает мысль Горация, говоря о том, что только над поэтическим творчеством, которое вечно, бессмертно и не подвержено переменам, не властны законы бытия. Кроме того, некоторые черты этой оды Горация (построение произведения с помощью резких пространственных контрастов, присутствие собеседника, к которому обращены советы принять существующее положение вещей и финал, отмеченный изменением интонации), проявились в оде Державина «На смерть князя Мещерского», написанной на девять лет раньше, чем ода «На смерть княгини Румянцовой».

Для оды Горация I, 11 характерны едва заметные переходы от конкретной ситуации, в которой рисует себя поэт (определенное место в Италии, буря, собеседник) - реального повода для возникновения оды - к абстрактным рассуждениям, не скованным ни временем, ни пространством.

В стихотворении «На воровку» - переложении оды Горация I, 11 Державин, опуская постоянные переходы от абстрактных размышлений к мгновенным чувствам и ощущениям, обращается с поучениями к некоему абстрактному адресату, пытающемуся узнать, «какая есть судьба рожденным».

В оде Горация I, 5, обращенной к Пирре, есть два образа, обладающие символическим значением и имеющие определенные ассоциации в лирике Горация. В первой строфе, описывая уединенный грот, Гораций упоминает о «многочисленных розах». Некоторые исследователи понимали это выражение как «ложе из роз», другие – как венки на голове Пирры и ее возлюбленного. Однако в работе отстаивается та точка зрения, этот образ обладает прежде всего символическим значением и имеет определенные ассоциации в лирике Горация. Анализ всех контекстов, где Гораций упоминает о розах, позволяет сделать следующие выводы: во-первых, розы являются неизменным атрибутом праздника (праздничного пира), и, во-вторых, символизируют быстротечность человеческой жизни и краткость мгновений счастья. Появившись в начале оды, этот образ, с одной стороны, усиливает фиктивный характер окказиональности этой оды, давая возможность амбивалентного восприятия ситуации, описываемой Горацием (венки из роз/ ложе, усыпанное розами), и, с другой стороны, иллюстрирует мысль Горация о переменчивости как главном и непреложном законе человеческой жизни. Возлюбленный Пирры не желает принимать этот закон; оказавшись в атмосфере праздника, он надеется, что праздник будет длиться вечно.

Говоря о неизбежных испытаниях и разочарованиях, предстоящих герою оды, Гораций использует еще один образ, часто встречающийся в его лирике и обладающий символическим значением. Это образ морской бури, который символизирует всемогущество богов и беспомощности человека перед их непознаваемой волей.

Державин, «спрятанный» переложение этой оды в текст своей оды «К первому соседу», поместил влюбленную пару в обстановку роскошного застолья; неизбежные жизненные неудачи нечестного и невоздержанного главного героя символизируют бури и разрушительные ураганы, которые предвещает ему автор. Суть своего стихотворения Державин передает прекрасным афоризмом: «Непостоянство доля смертных / В премежах вкуса счастье их».

Здесь же анализируются все так называемые «застольные» стихотворения Державина. Как и у Горация, в поэзии Державина пиры описываются двойным образом. Картина скромного, умеренного пира, куда собираются достойные люди, противопоставлена картине обильной трапезы, участники которой не знают меры в роскоши и веселье. В результате анализа делается следующий вывод: картина пира -

“один из важнейших символов, переходящих из одного стихотворения Державина в другое”²⁸ - имеет в поэзии Державина устойчивые ассоциации с описаниями застолий в произведениях Горация.

В *заключении* обобщаются основные выводы работы; в *приложении* приводится новый, сверенный со списками Грота, Пинчука, Буша и Свиясова, перечень «горацианских» од Державина, включающий в себя 32 наименования (среди них 4 новых наименования). Кроме того, в оде Державина «К лире» 1797 года отмечены реминисценции из оды Горация I, 6 (предыдущие исследователи замечали в этой оде реминисценции из оды Горация I, 32).

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ

В диссертации была предпринята попытка решить проблему рецепции лирического наследия Горация в творчестве Державина в двух планах: историко-литературной вертикали, когда «горацианство» связано с так называемыми этапами творческого пути, с историческим развитием Державина-поэта, что позволяет говорить о раннем, зрелом и позднем Державине, и в плане горизонтальном, где определен круг постоянно действующих горацианских мотивов-формул. В пересечении этих двух планов рецепция понимается не только как сравнение двух культур через перевод, переложение, свободную вариацию, вкрапление отдельных мотивов в произведение, но и как плодотворная встреча – усвоение культурой-наследницей культуры-предшественницы. При этом была сделана попытка обратить внимание не только на то, что приобретает, как обогащается культура усваивающая, но и на то, как в этом усвоении новым образом раскрывается в своих незамеченных чертах культура-прототип. Так, вместо образа холодного рассудочного одописца – ригориста, лицемера и льстеца, запечатленного в веках (так зачастую толковала Горация русская критическая революционно-демократическая традиция, и не без участия Радищева и Пушкина) –, через Державина (о котором никто никогда не говорил, что он был холоден, а часто приводили только цитату «Я... горяч и в правде черт»²⁹) можно увидеть Горация – поэта совершенно иного масштаба, воистину *vates*, преданного своей поэтической правде. Гораций так же верит в способность Августа победить стихию темного хаоса войн и разрушений, как Державин видит эту способность и волю в императрице Екатерине.

Кроме того, Державин увидел в поэзии Горация те же мировоззренческие константы, что занимали его самого более всего. В работе утверждается сходство поэтического мира обоих поэтов; это сходство глубинных масштабных категорий: проявление временного на фоне вечного, меры (*modus*) жизни, любви как части приятия жизни перед лицом грозной неизбежности. Таким образом, в поэзии Державина Гораций представлен теми сторонами, которые были особенно близки русскому поэту:

1) Моралист, строгий критик нравов своего времени. Державин обращается к тем одам Горация, в которых осуждается неутолимая жажда роскоши, жадность, нарушение природных и моральных законов.

2) Философ меры и «золотой середины». Интересно, что именно эта сторона творчества Горация особенно привлекала русских поэтов и переводчиков – Вольфганг Буш упоминает о 24 переводах оды II, 10 к Лицинию Мурене и о 25 переводах оды II, 16 к Помпею Гросфу³⁰. Державину также принадлежат переводы этих произведений.

3) Певец дружбы и преданности. В многочисленных посланиях Державина к друзьям прослеживаются отчетливые горацианские мотивы. На протяжении многих лет Державин проецировал отношения «Гораций – Мекенат» сначала на свои отношения с И.И. Шуваловым – своим покровителем и старшим другом (ему посвящена ранняя «Эпистола», оды «На выздоровление Мекената», «Приглашение к обеду», «Урна»), а в поздние годы – на отношения с преосвященным Евгением (Болховитиновым), которому посвящена ода «Евгению. Жизнь Званская». В этой оде, как и в оде «Приглашение к обеду» можно увидеть реминисценции из оды Горация III, 29, адресованной Мекенату.

4) *Vates*. Эту сторону творчества Горация Державин передает двойным образом: во-первых, он переводит оды Горация, посвященные поэтическому бессмертию, внося в них новый оттенок – поэт бессмертен, ибо он является носителем истины. Во-вторых, Державин переводит оду Горация II, 19, где речь идет о теофании и о вакхической одержимости поэта, а также оду III, 4 к Каллиопе.

Таким образом, можно утверждать, что Державин первым в русской литературе столь разносторонне воспринял лирическое наследие Горация.

Анализируя творчество Горация и Державина, исследователь неизбежно сталкивается со структурным сходством поэтических миров Горация и Державина: возможность перехода от конкретной ситуации, реального повода для возникновения оды к абстрактным рассуждениям, не скованным ни временем, ни пространством. В свою очередь, эти рассуждения и темы, казалось бы, бестелесные в своей созерцательности, могут получить конкретное и материальное воплощение.

²⁸ Аверинцев С.С.. Поэты. М., 1996, с.125.

²⁹ Стихотворение «К самому себе», 1798 год.

Один из главных постулатов реферируемого исследования состоит в том, что черты сходства с Горацием проявляются в произведениях Державина и там, где прямого влияния Горация практически не прослеживается. Более того, когда Державин, подражая определенной оде Горация, решительно отступает от текста оригинала, он так же близок к пафосу Горация, как и в прямых заимствованиях.

В историко-литературной перспективе – от раннего Державина к позднему – изменения восприятия Горация, его образа как личности-поэта и творчества, можно выделить как твердые вехи. Восприятие личности и творчества Горация в поэзии раннего Державина сформировалось под влиянием произведений Фридриха II, в которых Гораций предстает как мудрец, помнящий о бессилии человека перед непознаваемой волей высших сил и властью смерти, и сохраняющий силу духа и спокойствие в любых обстоятельствах. Гораций зрелого Державина – *vates* – поэт, носитель божественных истин, обогащенный философской мудростью и этикой с ее золотой серединой. В поздний период своего творчества Державин, подобно Горацию, обратил основное внимание на теорию поэтического искусства.

Как отмечается в главах II и IV, Державину не было свойственно желание упрощать или обходить сложные для понимания и перевода места из од Горация. Державинские переложения стихотворений Горация, и в частности, этих трудных мест, являются их трактовкой. Проведенное исследование позволило увидеть, что результаты державинского аналитического чтения текстов Горация близки прочтениям, которые предлагаются в самых современных исследованиях и комментариях к Горацию. Для этих работ характерно стремление восстанавливать скрытые у Горация, но подразумеваемые звенья ассоциативной цепочки, присутствующей в тексте, а также понимание фиктивного, условного характера окказиональности од Горация (во многих одах Горация можно увидеть не одну, а несколько псевдореальных ситуаций, на которые он настраивает читателя). Это понимание весьма отличает новые комментарии к Горацию от «традиционных» комментариев начиная с Порфириона и заканчивая комментариями XIX века, в которых главное внимание уделялось восстановлению реалий, стоящих за текстом, а к самому тексту было принято относиться как к некоей безусловной данности.

Другим важным важным итогом проведенной в диссертации работы является установленный в ней факт того, что Державин мог читать Горация в оригинале.

Практическим итогом проведенного исследования является список од Державина, в которых в той или иной степени проявляются «горацианские» мотивы.

³⁰ Busch, Wolfgang. Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München, 1964, S.21.

Напомним, что в списке, представленном в статье А.Л. Пинчука, перечисляются, за исключением одного, те стихотворения Державина, которые комментируются в академическом издании Я.К. Грота как содержащие реминисценции из од Горация. Вольфганг Буш дополнил этот перечень несколькими названиями. Перечень, представленный в указателе Е.В. Свиясова³¹, к сожалению, представляется совершенно неполным. В предложенном нами списке, включающем в себя 32 наименования, содержится несколько дополнений и уточнений к исследованию, выполненному Я.К. Гротом и до сих пор являющемуся главнейшим источником по этой теме. Кроме того, в работе было высказано предположение, что во второй строфе оды М.В. Ломоносова «На прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт -Петербург по коронации, 1742 года» присутствует реминисценция из оды Горация I, 12 (vv. 7-8). Эта ода отсутствует в списке «горацианских» произведений Ломоносова, который предлагает в своей книге Буш³².

Основные положения работы отражены в публикациях:

1) Девятая ода первой книги од Горация (*Vides, ut alta stet nive candidum...*): проблемы интерпретации. Индоевропейское языкознание и классическая филология — III (материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского). ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, «Наука», 1999, стр.61 – 66.

2) Композиционная роль мотивов скромности и самоуничтожения в одах Горация. Индоевропейское языкознание и классическая филология —V (материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского). ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, «Наука», 2001, стр. 109 – 111.

3) Неожиданные композиционные переходы в одах Пиндара и Горация. Индоевропейское языкознание и классическая филология —VI (материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского). ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, «Наука», 2002, стр. 140 – 142.

4) Горацианские параллели в оде Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского». Индоевропейское языкознание и классическая филология —VII (материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского). ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, «Наука», 2003, стр. 85 – 88.

5) Ода Горация II, 9 (*Non semper imbres...*) в зарубежных комментариях XX века и в поэзии Г. Р. Державина (заметки к теме). Вопросы классической филологии. Выпуск XIII. *Argumenta classica*. Труды молодых ученых. М., 2003, стр. 166 – 173.

³¹ Свиясов Е.В. Античная поэзия в русских переводах XVIII – XX веков. СПб., 1998, сс. 275 – 303.

³² Busch, Wolfgang. Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München, 1964, S. 251.